

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2024.70.39.023

Городской текст как феномен культуры

Набилкина Лариса Николаевна

Доктор культурологии, доцент,
завкафедрой иностранных языков и культур,
Арзамасский филиал,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
607220, Российская Федерация, Арзамас, ул. Карла Маркса, 36;
e-mail: nabilkina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу городского текста как феномена культуры. В работе отмечается, что город в словесной культуре может быть изображен диаметрально противоположно – гуманистически или дегуманизировано. Тональность изображения зависит от восприятия автора. Значительное место в имагологическом восприятии города и городского пространства принадлежит травелогу. Это не просто путевые заметки, фиксирующие места и события. Главную роль в травелоге играет личность рассказчика. В качестве материала используются рассказы Дины Рубиной «Бонжорно, команданте!». У каждого города свое неповторимое лицо, к каждому из них Рубина относится как к живому человеку, выделяя в нем только ей заметные черты. Автор исследования отмечает, что в произведениях Рубиной явно прослеживаются аллюзии на Э. Хемингуэя («Праздник, который всегда с тобой»), а также на П. Акройда с теорией о «визионерах». Дина Рубина также уделяет много внимания гастрономической составляющей, поскольку национальные блюда очень важны для понимания менталитета нации, а также они создают живую картину изображаемой действительности и «эффект присутствия». Анализируя «городской» текст Рубиной, автор статьи выделяет в нем черты поэтики М.М. Бахтина. В результате делается вывод о том, что имагологическое восприятие, свойственное травелогам, позволяет отнести «городской» текст к феноменам словесной культуры и способствует формированию национальной идентичности.

Для цитирования в научных исследованиях

Набилкина Л.Н. Городской текст как феномен культуры // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 2А. С. 219-224. DOI: 10.34670/AR.2024.70.39.023

Ключевые слова

Имагология, травелог, словесная культура, культурологический образ, оппозиция «свое-чужое».

Введение

Изображению города посвящено множество работ различных жанров: архитектурные и градостроительные планы и схемы, исторические очерки, путеводители, урбанистические зарисовки, тексты словесной культуры. «Каждый город формирует свой неповторимый, уникальный образ. Но лишь один образ города может создавать единство пространства и времени, создавать архетип. Это культурологический образ» [Кубанев, 2014, 6].

Город в словесной культуре может быть изображен диаметрально противоположно – гуманистически или дегуманизировано. Тональность изображения зависит от восприятия автора. Эту двойственность мы можем проследить в изображении Нью-Йорка. Вот как описывает город писатель-революционер Григорий Мачтет в своем рассказе «Нью-Йорк»: «Описывать подробно Нью-Йорк я не буду, ни его широких улиц и проспектов, ни роскошных магазинов, ни дворцов, церквей и прочее. Скажу только, что впечатление, какое он производит на приезжего человека, никогда не изгладится [Мачтет, 1958, 64]. Совершенно иное настроение мы видим у другого писателя этого же времени Максима Горького: «Это город, это Нью-Йорк. Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением» [Горький, 1954, 9]. Таким образом, мы видим, что описание города может быть предельно субъективным, это зависит от взгляда, восприятия и настроения автора, то есть городской текст становится имагологическим.

Значительное место в имагологическом восприятии города и городского пространства принадлежит травелогу. Это не просто путевые заметки, фиксирующие места и события. Главную роль в травелоге играет личность рассказчика, именно его глазами мы видим окружающую действительность. Как заметил американский исследователь Мак Кеннен в статье «Турист. Новая теория досуга»: «Это поиск самого себя, своей аутентичности в другом месте и времени, в чужой стране, истории, культуре» [Mac Cannen, 1976, 9].

В культурологическое исследование города внесли вклад такие ученые как Долгий В.М., Левинсон А.Г. своей работой «Архаическая культура и город», Коган Л.Б. «Города и люди», Сванидзе А.А. «Город и цивилизация».

Цель работы – проанализировать городской текст как культурологический феномен, рассмотреть его с имагологических позиций. Основными методами исследования являются сравнительно-сопоставительный, герменевтический, биографический, метод лингвокультурологического анализа. В качестве материала используются рассказы Дины Рубиной «Бонжорно, команданте!».

Основная часть

Географический и культурный диапазон Д. Рубиной чрезвычайно многообразен. Она родилась в Ташкенте, работала переводчицей с узбекского языка. После переезда в Израиль стала сотрудником русскоязычного издания «Наша страна». Литературные произведения Рубиной хорошо поддаются экранизации и легли в основу ряда фильмов. В 2020 году выходит в свет сборник из 12 рассказов, которые описывают впечатления автора от поездок по городам Европы. Сама Рубина называет себя «наблюдателем», «зевакой», «из разряда «что вижу, то пою» (Рубина). Однако, это не совсем так. Это рассказы о судьбах людей, об интересных событиях, благодаря которым читатель создает свой собственный образ города. «Каждый город ...имеет свой неповторимый характер, душу и язык, на котором он обращается к приезжим и

своим обитателям», - говорит автор в предисловии к рассказам [Рубина, 2021, 5]. Любой незначительный эпизод, любая деталь становится катализатором начала повествования: выступление джаз-бэнда на Карловом мосту, лицо пожилой туристки, потерянная книга, купленная в букинистическом магазине, служат источником вдохновения для написания «новеллы странствий». Именно внимание к мельчайшим деталям и создает стиль письма, который благодаря Джоном Дос Пассосом и Э. Хемингуэю назовут «кинематографическим». «Я всю жизнь гоняюсь именно за этим: за шелестом мокрых деревьев, за утренним говорком неизвестной мелкой птички, за непривычной кладкой булыжников на крошечной площади», – с упоением повествует писательница [там же, 6].

У каждого города свое неповторимое лицо, к каждому из них Рубина относится как к живому человеку, выделяя в нем только ей заметные черты: так Амстердам – это «ряд старых домов над каналом, строй забулдыг, которые норовили выпасть из строя мордой на мостовую», Карловы Вары – «бисквитные, сахарно-кремовые улицы», Венеция – «гигантская маска морского божества; морок, сон, не город, а видение, сказка» [там же, 97, 88, 109].

Рубина путешествует с мужем Борисом Аракеловым, профессиональным художником. Они подробно обсуждают увиденное, и именно благодаря ему город наполняется теми оттенками красок и полутонов, которые может заметить только человек, имеющий отношение к живописи. Так читатель узнает, что Равенна – «желтовато-розовая, бежеватокрасная», а в Помпеи «лакированные небеса, кипучее серебро залива, белые и терракотовые, а кое-где фиолетовые и красные домики на зеленых склонах, веселая черепица между оранжевых и желтых брызг лимонных и апельсиновых рощ [там же, 80]. Подобные описания продолжают традиции «визионеров», как назвал их Питер Акرويد в своем романе «Лондон. Биография». В нем подчеркивается, что цвет Лондона – красный. Черепичные крыши, стены правительственных учреждений, мантии государственных служащих, а позднее, телефонные будки и автобусы – все имеет красный цвет. И Большой Лондонский пожар, который нанес столь разрушительный ущерб – тоже красный.

Следует отметить, что для Рубиной характерен необычный индивидуальный стиль, насыщенный тропами, что делает повествование высокохудожественным и эмоционально насыщенным. Описывая итальянский городок Орто-Сан-Джулио, она прибегает к яркому сравнению: «Глубокие средневековые улицы прорезают гору, как морщины – лицо рудокопа, и сползаются к маленькой, замечательных пропорций площади и ресторану у самой воды» [там же, 95]. Использование метафор позволяет читателю самому перенестись в те города, по которым путешествует автор. Прогуливаясь по Флоренции, Дина с мужем поднимаются на террасу площади Микеланджело: «Внизу, по обе стороны реки Арно, лежала Флоренция – в куполах, сторожевых башнях, колокольнях, вся в карминной чешуе черепицы. Колокольный гул, как нити разноцветной пряжи, тянулся со всех колоколен и невидимым куполом уходил ввысь» [там же, 56]. Но излюбленный стилистический прием писательницы, к которому она прибегает не раз на протяжении всего повествования – разрядка. Именно он помогает увидеть всю противоречивость и неоднозначность описываемого города, где за глянцевым фасадом и туристической оберткой скрывается обыденность повседневной жизни. «Город живописен – со всеми своими кораблями в огромном порту, дорогими бутиками, лавками, борделями и кипучим, трезвонным, воровским-карабинерным, туристским коловращением толпы. И над всем этим победно развевается белье на веревках» [там же, 74].

Мастерски владея словом, Дина Рубина творит в традициях классических писателей-реалистов начала 20 века. Читая ее травелоги, невольно проводятся параллели с таким художником слова как Э. Хемингуэй и его мемуарами «Праздник, который всегда с тобой»,

которые посвящены Парижу... Всем известно, что Хемингуэй уделяет большое внимание фактуре еды и питья, и это совершенно правомерно, так как гастрономическая составляющая является неотъемлемой частью культуры вообще и культурологического образа города в частности. Вот как он описывает свой ужин со Скоттом Фицджеральдом в одном из парижских ресторанов. «Сначала нам подали очень хороших улиток и графин флери, но мы не успели съесть и половины, как Скотта вызвали к телефону. Я доел его улиток, макая кусочки хлеба в соус из растопленного масла, чеснока и петрушки, и допил графин флери» [Хемингуэй, 2000, 461]. У Хемингуэя особый стиль, который позднее назовут «кинематографическим». Своим вниманием к деталям, он восходит к «теории вешности» Гюстава Флобера. Фиксируя малейшие нюансы, он воссоздает перед читателем подлинную картину действительности. «Когда мы вернулись в Париж, стояли ясные, холодные чудесные дни. Город готовился к зиме. Во многих хороших кафе на террасах стояли жаровни, у которых можно было погреться» [там же, 427].

В рассказе «Холодная весна в Провансе» ясно слышны хемингуэевские аллюзии. Герои путешествуют по южному берегу Франции, и, также как американский писатель, пытаются согреться к небольшим кафе, которыми так славится Франция. «А в кабачки, бары и прочие питейные заведения мы заскакивали то и дело, чтобы укрыться от холодного весеннего дождя, который наступал и гнал и гнал нас своей жесткой метлой по Лазурному Берегу и Провансу» [Рубина, 2021, 207].

Дина Рубина также уделяет много внимания гастрономической составляющей, поскольку национальные блюда очень важны для понимания менталитета нации, а также они создают живую картину изображаемой действительности и «эффект присутствия». Кроме того, посещение баров, трактиров, пиццерий занимают большое место в жизни итальянцев в частности и европейцев вообще. Здесь важен не столько процесс насыщения, сколько наслаждение обстановкой, вкусом любимых блюд и, самое главное, общением. «А греческий салат оказался особенно щедрым; поверх кургана резаных овощей покоился толстый ломоть феты, величиной и формой похожий на мужскую ладонь. Наконец стол был увенчан большим блюдом с жареными бараньими ребрышками. Бурое домашнее вино в кувшине цепляло язык и отлично оттеняло вкус жареного мяса», – подробно описывает обильную трапезу писательница [там же, 191].

Особого внимания заслуживает рассказ «Снег в Венеции». В центре внимания – знаменитый венецианский карнавал. Герои приезжают в Италию, когда карнавал уже созрел, «как пунцовая гроздь винограда». Они гуляют среди толпы многочисленных туристов, впитывают запахи и звуки старинных улиц, разглядывают причудливые костюмы, которые итальянцы не покупают в магазинах для туристов, а перешивают и обновляют старые, которые хранятся в семье и переходят из поколения в поколение. На время карнавала можно забыть о своих проблемах, погрузиться в атмосферу всеобщего веселья, спрятать за маской свое истинное лицо. Как замечает известный культуролог М.М. Бахтин: «В карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью. В этом специфическая природа карнавала, особый род его бытия» [Бахтин, 1990, 86]. Но вот карнавал подходит к концу, и подлинная жизнь, в которой нет места иллюзиям, вступает в свои права. «И вот тогда над площадью пролетела неумолимая усталость. Смеющаяся душа карнавала – истончилась и сникла, она возносилась над нами, испарялась, покидала площадь – так душа возносится над телом: карнавал умирал» [Рубина, 2021, 153]. Писательница прибегает к таким стилистическим приемам как олицетворение, художественное сравнение, градация – карнавал воспринимаются ею, а следом за ней и читателем как прощающийся с жизнью человек.

Заключение

Таким образом, благодаря травелогам мы можем не просто узнавать о достопримечательностях и знаковых местах различных городов, но и ощутить их атмосферу, узнать специфические черты его жителей, понять «душу города». Так городской текст становится подлинно имагологическим. Кроме того, осознание своей идентичности часто происходит именно в путешествиях, когда мы сравниваем «свое» и «чужое». Как замечает исследователь Е.А. Стеценко в статье «История, написанная в пути»: «Мотив дороги лежит в основе большинства мифов, легенд и фольклорных рассказов» [Стеценко, 1999, 214]. Поиск себя и смысла жизни, своего пути в широком смысле этого слова транслирует в своих рассказах и Д. Рубина. «...мне казалось, что вот сейчас, уже совсем скоро, я нагоню свою настоящую жизнь, которая никуда не делась, а ждет меня терпеливо и восторженно где-то там, во-он за тем поворотом» [Рубина, 2021, 444]. Образ города складывается из множества составляющих. Имагологическое восприятие, свойственное травелогам, позволяет отнести «городской» текст к феноменам словесной культуры.

Библиография

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 544 с.
2. Горький А.М. Собрание сочинений в 30 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 8. 510 с.
3. Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. Город как культурологический феномен в русской, американской и западноевропейской литературе. Шуя, 2014. 223 с.
4. Мачтет Г.Г. Избранное. М.: Гослитиздат, 1958. 128 с.
5. Рубина Д. Бонжорно, команданте! М.: Эксмо, 2021. 448 с.
6. Стеценко Е.А. История, написанная в пути. М., 1999. 15 с.
7. Хемингуэй Э. Собрание сочинений в 5 т. М.: Терра, 2000. 463 с.
8. Mac Cannen D. Tourist. A new theory of leisure class. N.Y., 1976. 25 p.
9. Warren C. R. Beyond 'native v. alien': Critiques of the native/alien paradigm in the Anthropocene, and their implications //Ethics, Policy & Environment. – 2023. – Т. 26. – №. 2. – С. 287-317.
10. Nelufule T. et al. An inventory of native-alien populations in South Africa //Scientific Data. – 2023. – Т. 10. – №. 1. – С. 213.

City text as a phenomenon of culture

Larisa N. Nabilkina

Doctor of Culturology, Associate Professor,
Head of Foreign Languages and Cultures Department,
Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University,
607220, 36, Karla Marksa str., Arzamas, Russian Federation;
e-mail: nabilkina@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the city text as the object of culture. It is underlined that the city in the word culture may be described in two different ways – humanistically and dehumanized. The tone of the description depends on the position of the author. Travelogue plays the main role in the imagological perception of the urban environment. It is not just travel remarks,

which state places and events. The leading place is given to the narrator. The collection of short stories by D. Rubina is chosen as the object of analysis. Each city has an unforgettable face, each of them Rubina treats as a human being, singling out prominent features. The author of the article mentions that allusions on E. Hemingway's "Movable Feast" and P. Ackroyd with his theory about "visioners" can be easily found in her stories. Rubina pays much attention to the gastronomy which is an important part of understanding nation's mentality. It also creates a lovely picture and immersive effect. Analyzing Rubina's city text the author notices some features of M. Bahtin's poetic. As a result there is a conclusion that imagological perception typical for travelogues allows to refer the city text to the phenomena of literary culture and facilitates creating national identity.

For citation

Nabilkina L.N. (2024) Gorodskoi tekst kak fenomen kul'tury [City text as a phenomenon of culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (2A), pp. 219-224. DOI: 10.34670/AR.2024.70.39.023

Keywords

Imagology, travelogue, word culture, culturological image, opposition "native-alien".

References

1. Bakhtin M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow.
2. Gor'kii A.M. (1954) *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Collected works in 30 volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ. Vol. 8.
3. Hemingway E. (2000) *Sobranie sochinenii v 5 t.* [Collected works in 5 volumes]. Moscow: Terra Publ.
4. Kubanev N.A., Nabilkina L.N. (2014) *Gorod kak kul'turologicheskii fenomen v russkoi, amerikanskoi i zapadnoevropeiskoi literature* [The city as a cultural phenomenon in Russian, American and Western European literature]. Shuya.
5. Mac Cannen D. (1976) *Tourist. A new theory of leisure class*. N.Y.
6. Machtet G.G. (1958) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Goslitizdat Publ.
7. Rubina D. (2021) *Bonzhorno, komandante!* [Bongiorno, Comandante!]. Moscow: Eksmo Publ.
8. Stetsenko E.A. (1999) *Istoriya, napisannaya v puti* [A story written along the way]. Moscow.
9. Warren, C. R. (2023). Beyond 'native v. alien': Critiques of the native/alien paradigm in the Anthropocene, and their implications. *Ethics, Policy & Environment*, 26(2), 287-317.
10. Nelufule, T., Robertson, M. P., Wilson, J. R., & Faulkner, K. T. (2023). An inventory of native-alien populations in South Africa. *Scientific Data*, 10(1), 213.